

)

Конец света настал.

Лампы с акустическими датчиками одна за другой вспыхивали от непрекращающегося рева. Из-за нестабильного напряжения лампы то и дело мигали, и в этом зловещем переплетении света и тени коридор казался предвестником какого-то прогнившего, потустороннего мира.

Из каждого жилого блока, из каждого города, из каждого уголка, озаренного гигантской вспышкой молнии, мир одновременно погружался в пучину безумного бедствия.

Безмолвная ночь была разорвана на части. И раскаты грома, и пронзительные крики ужаса заставили студентов одного за другим пробудиться ото сна.

Вскоре кто-то обнаружил, что его сосед по комнате превратился в монстра с мертвенно-бледной кожей. Стоило влажному и холодному дыханию коснуться кожи, как со страшным треском куски плоти были разорваны в клочья.

- А-а-а!!

Пытаясь позвать на помощь в мучительной боли, несчастные захлебывались в потоке новых истошных криков.

Эти новоявленные зомби двигались медленно, но обладали острыми, как бритва, клыками и чудовищной силой, способной голыми руками разрывать мышцы. Многим посчастливилось ускользнуть: волоча искусанные, истекающие кровью конечности и онемев от боли, они бросились вон из комнат в надежде на спасение.

Однако скорость передачи вируса в самом начале была поистине пугающей. Не успевали беглецы получить помощь, как прямо в коридорах – а кое-где и в спальнях сердобольных соседей, не разобравшихся в ситуации и открывших двери – происходило страшное. Рухнув на пол и забившись в сильных конвульсиях, бездыханные тела вновь медленно поднимались. С глубоко запавшими, покрасневшими глазницами и серыми, безжизненными лицами они бросались на тех, кто еще недавно был их товарищем.

Хаос продолжался уже некоторое время, и всё больше людей осознавали, что именно происходит.

В университетских общежитиях жили молодые люди, и понятие «зомби» было им хорошо знакомо, но никому даже в голову не приходило, что этот кошмар из фильмов ужасов обрушится на них самих.

Прислушиваясь к глухим ударам, доносившимся из-за стен и из коридора – будто кто-то с монотонной периодичностью колотился головой обо что-то твердое, – некоторые едва не сходили с ума от страха. И даже присутствие соседа по комнате не приносило утешения... становилось только хуже.

Страх перед неизвестным практически полностью разрушил хрупкое доверие. Каждый опасался, что его некогда близкий друг превратится в нового монстра, и в такие моменты оставаться в одиночестве казалось куда безопаснее.

В общежитском чате пестрили сообщения, от одного вида которых буквы буквально сочились паникой.

[Снаружи одни монстры!]

[Не выходите! Ни в коем случае не выходите!]

[Когда кто-нибудь придет нас спасти? Мне так страшно, мой сосед по комнате ведет себя странно, я не смею выйти, помогите мне, по]

[Это что, ад?]

Староста общежития тоже проснулся, но происходящее повергло его в полное замешательство – он решил, что в здание ворвались грабители. Записав предупреждение на диктофон, он включил его на цикличное воспроизведение, так что на каждом этаже было хоть что-то слышно.

– Студенты, без паники! Ситуация доведена до сведения руководства школы, полиция вызвана,

заперли двери и окна, ни в коем случае не выходите наружу! Нуждающиеся в помощи могут пройти в комнату отдыха коменданта!

Староста также отвечал в общем чате общежития, скинув трехсекундное голосовое сообщение: «Малыши, не переживайте, прямо сейча- а-а!»

После искаженного предсмертного вопля сообщение автоматически отправилось. В чате воцарилась гробовая тишина – никто не решался представить, что скрывалось за этим криком. Лишь механический голос из динамика продолжал циклично повторять:

«...Нуждающиеся в помощи могут пройти в комнату отдыха коменданта!»

«...в комнату отдыха коменданта!»

«...пройти...»

После очередного раската грома запись оборвалась. В тот же миг пользователи, безуспешно пытавшиеся отправить сообщения, заметили, что возле значков голосовых заметок лишь бесконечно крутятся маленькие колесики. Больше не уходило ни единого слова.

С этого момента каждый стал по-настоящему одиноким островом.

Состояние Ци Шуюэ было ужасным.

Непрекращающиеся крики заставляли его воображение рисовать жуткие, окровавленные картины. В памяти всплывали сюжеты из фильмов ужасов, просмотренных ради прошлых заданий. Он не мог унять дрожь и невольно сжался в комок под одеялом. Наверное, от сильнейшего напряжения в желудке началась спазматическая боль и подступила тошнота, отчего его лицо стало еще бледнее.

Страшно.

Мне так страшно.

Но Ци Шуюэ приходилось давить в себе тошноту и раз за разом мысленно повторять заветные слова о задании и возвращении домой, чтобы хоть капля разума помогла ему взять себя в руки и взглянуть на Гуань Е.

Одного взгляда хватило, чтобы сердце рухнуло в пропасть – напряжение переросло даже первобытный ужас.

Состояние Гуань Е явно было ненормальным. Он и так находился в «периоде трансформации» – в самый уязвимый момент, когда любые внешние раздражители противопоказаны. Но сейчас окружающий мир претерпевал колоссальные изменения: мучительные крики людей и всё густеющий запах крови могли свести с ума и здорового человека, не говоря уже о Гуань Е, на нервах которого и без того играли бури.

Его глаза почти полностью почернели, превратившись в кроваво-алые, казалось, из них вот-вот хлынет запекшаяся кровь. Во взгляде отчетливо читалась свирепость, он отчаянно подавлял какую-то пугающе мощную эмоцию.

Тело Гуань Е тоже слегка подрагивало, но эта дрожь отличалась от скованного паникой страха Ци Шуюэ. Она напоминала скрытую, готовую вырваться наружу агрессию – словно крупный хищник перед броском до предела напрягает мускулы, чтобы высвободить всю свою разрушительную мощь.

Ци Шуюэ снова захотелось заплакать. Ему уже было плевать на апокалипсис снаружи – надвигался его собственный конец света.

Гуань Е... неужели Гуань Е ударит его?!

Глядя на напрягшиеся до предела мышцы Гуань Е, Ци Шуюэ отчаянно затрепетал ресницами и понял, что парочки его тяжелых ударов он точно не вынесет. Инстинктивно он снова отодвинулся в самый угол кровати. Но Гуань Е, словно реагируя на какой-то раздражитель, резким движением запрыгнул на кровать. Его выпрямившееся тело мгновенно заполнило и без того не слишком просторное пространство, создавая давящую, удушающую атмосферу. Холодно глядя на Ци Шуюэ, он дюйм за дюймом сокращал расстояние. Ци Шуюэ чувствовал себя загнанным в угол крошечным котенком, которого прижал к земле смертельный ужас – он даже дышать боялся.

Лампа на потолке продолжала бешено мигать, то зажигаясь, то гаснув. От этого чередования света и тьмы у Ци Шуюэ рябило в глазах, и на ресницах выступили слезы – разумеется, исключительно от страха.

– Г-Гуань Е... – Ци Шуюэ судорожно соображал, что бы такое сказать.

Он ведь профессиональный сотрудник! Сейчас его задача – успокоить Гуань Е, внушить ему, что в комнате безопасно, попросить не бояться, переждать бурю и, главное, не проявлять агрессии к внешнему миру...

Но в самый ответственный момент язык предательски запнулся, и Ци Шуюэ заикающимся голосом выдал:

– Я-я... не бойся.

Ци Шуюэ: – ...

Даже в такой критической ситуации Ци Шуюэ был готов сам себя прибить от абсурда происходящего. С трудом проглотив ком, он поправился:

– То есть я хотел сказать... Гуань Е, ты не...

Внезапно Гуань Е подался вперед, нависнув над Ци Шуюэ массивной скалой, и тот от испуга наотмашь зажмурился. А в следующее мгновение Гуань Е подхватил его на руки.

Он прижал его к себе так, будто держал маленького ребенка. Одежда стерла границы, позволяя ощутить тепло каждого дюйма чужого тела, их дыхание смешалось, и до боли настойчивое присутствие Гуань Е ясно давало понять: он полностью «окружен».

Полог кровати опустился, отрезая их от остального мира и превращая спальное место в тесное, уединенное убежище.

В этом микрокосмосе на двоих Гуань Е хрипло, с заминками, словно заржавевшие от долгого простоя шестеренки механизма, выдавливал каждое слово:

– Не... бойся.

– Снаружи... опасно.

– Я... защищу... тебя.

– ... – Ци Шуюэ остолбенел.

Безумие эсперов в «периоде трансформации» подчинялось определенным законам. Их тела перестраивались в ходе эволюции, в человеческую плоть вливалась чудовищная сила. Переживая невыносимую боль, человек в тысячу, в миллион раз острее начинает воспринимать любые внешние угрозы. Эта обостренная чувствительность одновременно становилась и даром, и проклятием.

Всё, что раньше казалось привычным и безопасным, рушилось. Мир перезагружался, и люди, подобно раненым зверям, инстинктивно стремились спрятаться.

Стоило в этот момент подвергнуться хоть малейшему раздражителю, как он отзывался в перестраивающемся внутреннем мирке грохотом падающего метеорита, порождая ответную агрессию. Эсперам казалось, что это «внешний мир» первым напал на них.

Для Гуань Е всё обстояло точно так же. Более мощный, чем у обычных людей, потенциал сулил и несоизмеримо большую боль. Его рассудок временно помутился от колоссальной нагрузки, а кризис с ордой зомби взорвался в его сознании тысячекратным эхом, подталкивая к самым экстремальным методам защиты и укрытия – к уничтожению всего, что попадалось на глаза.

Но Гуань Е отличался от прочих эсперов.

Он затянул человека перед собой в собственный защитный периметр, поставив его безопасность выше собственной. Даже под бомбардировкой опасных «метеоритов» в нем теплился остаток инстинкта.

Инстинкт защитить Ци Шуюэ во что бы то ни стало.

Потому что Ци Шуюэ был существом гораздо более хрупким и уязвимым, чем он сам.

В грандиозном хаосе меняющегося мира Гуань Е приплыл именно к тому островку, где находился Ци Шуюэ.

Поначалу Ци Шуюэ все еще слегка подрагивал. Находясь в чужих крепких объятиях, да еще и при столь близком контакте, он поначалу чувствовал себя неудобно. Но обстоятельства были слишком исключительными. Глухой, размеренный стук чужого сердца заглушал мерзкое шарканье и волочение ног проходящих мимо зомби, и Ци Шуюэ постепенно успокоился. Он был близок к тому, чтобы со слезами на глазах возблагодарить главного героя за подаренное чувство безопасности.

Гуань Е чертовски хорош.

Даже потеряв рассудок, он помнил, что должен защищать его. Боже мой, да у него просто... безупречная профессиональная этика! – подумал Ци Шуюэ.

Они просидели в этой неловкой позе большую часть ночи, пока за стенами наконец не стихло.

Скорее всего, те немногие, кому посчастливилось выжить, сообразили, что шум привлекает монстров, и старались не издавать ни звука. Хотя был и куда более мрачный вариант... живых в этом общежитии становилось всё меньше.

Седьмой этаж обладал прекрасным стратегическим преимуществом. Самый верхний этаж, к тому же сплошь забитый пустыми комнатами – зомби добирались сюда снизу медленно, и их было немного.

Но именно потому, что живое дыхание теплилось лишь в комнате 702, все чудовища стягивались к их двери, раз за разом глухо ударяясь о косяки и стены.

Дверь общежития была достаточно прочной, но никто не знал, сколько еще она сможет выдерживать подобные удары. Сердце Ци Шуюэ, только-только пришедшее в норму, снова заколотилось. Он решил, что нельзя просто сидеть и позволять зомби проверять на прочность строительные стандарты здания – нужно хоть немного сопротивляться.

Поэтому он попросил Гуань Е отпустить его. Гуань Е на секунду замер, пальцы на его спине едва заметно дрогнули, но в остальном он остался неподвижен.

Ци Шуюэ: – ...

Беспомощно вздохнув, Ци Шуюэ пояснил:

– Я не собираюсь уходить. Просто хочу подвинуть тяжелые вещи к двери, чтобы забаррикадировать ее.

Фокус внимания Гуань Е, судя по всему, сместился куда-то не туда. Его голос, избавившийся от

прежней заторможенности, прозвучал холодно:

– Ты пойдешь?

Ци Шуюэ кивнул.

Разумеется, раньше всю подобную тяжелую работу выполнял Гуань Е. Но сейчас Ци Шуюэ видел, в каком странном состоянии находится мужчина, да к тому же над ним висел этот Дамоклов меч в виде периода боли. По сравнению с ним Ци Шуюэ, по крайней мере, обладал нормальной дееспособностью и вполне мог внести свой вклад.

Но в следующее мгновение Гуань Е разжал руки, до этого намертво прижимавшие его к себе, и с неожиданной ловкостью спрыгнул с кровати. Его голос прозвучал глухо и весомо:

– Я... еще... не умер.

Ци Шуюэ: «...э-э?»

<http://bllate.org/book/18797/1870128>